
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.91
ББК 67.518

И.А. Тарханов
*доктор юридических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*
М.Ю. Челышев
*доктор юридических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*
Р.А. Хасанов
*кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МЕХАНИЗМЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье исследованы вопросы использования в процессе квалификации преступления гражданско-правовых конструкций. В условиях поиска оптимальной модели воздействия уголовного закона на экономические отношения актуален анализ порядка использования гражданско-правовых конструкций в ходе квалификации деяния по нормам уголовного права. Приведен опыт проведения Центром «Униюрсервис» Казанского федерального университета правовых исследований по материалам уголовных дел. Выдвинуто предложение о рассмотрении квалификации преступления как динамического процесса (механизм), в ходе которого используются статические элементы, в частности гражданско-правовые конструкции. Выявлены особенности влияния гражданско-правовых конструкций, относящихся к субъектам, объектам гражданских прав и гражданско-правовым сделкам, на квалификацию преступлений по объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне. Сформулированы правила использования гражданско-правовых конструкций в механизме квалификации преступления.

Ключевые слова: криминология закона; квалификация преступления; механизм квалификации преступлений; состав преступления; бланкетная диспозиция; гражданско-правовая конструкция.

I.A. Tarhanov
*Doctor of Law, Professor,
Kazan Federal University*
M.Ju. Chelyshev
*Doctor of Law, Professor,
Kazan Federal University*
R.A. Hasanov
*Candidate of Legal Sciences, senior professor,
Kazan Federal University*

CIVIL LEGAL CONSTRUCTIONS IN CRIME CLASSIFICATION MECHANISM

The article studies issues of civil legal constructions' application in crime classification mechanism. Analysis of civil constructions' application in crime classification according to criminal law regulations is relevant when searching for optimal model of Criminal law impact on economic relations. The article provides an example of «Unijurservice» Centre of Kazan Federal University

which conducted legal researches based on criminal cases. The authors assume that crime classification should be considered as a dynamic process (mechanism). Some static elements like civil legal constructions are used during this process. The authors define how civil legal constructions related to the subjects and objects of civil rights and civil transactions influence on crime classification in terms of object, objective aspect, subject and subjective aspect. The article provides rules for civil legal constructions' application in crime classification mechanism.

Key words: law criminology; crime classification; crime classification mechanism; elements of crime; blanket disposition; civil legal construction.

В последние годы не утихают творческие дискуссии относительно допустимости и пределов уголовно-правового регулирования экономики. Высказываются предложения о декриминализации значительного ряда экономических преступлений, субъектами которых могут быть предприниматели, в научный оборот вводится понятие «уголовное гражданское право», от которого в то же время рекомендуется избавиться [22, с. 154]. Однако неизменной остается позиция тех, кто полагает, что традиционно понимаемое уголовное право «есть неприменимый атрибут рыночной экономики, без которого развиваться она не сможет, поскольку эффективно пресечь общественно опасный обман в экономической сфере можно только уголовно-правовыми методами» [11, с. 52].

Следует согласиться с тем, что потребность в уголовно-правовом регулировании и сфера экономических отношений не могут рассматриваться как взаимоисключающие. Думается, что посредством уголовного права, обеспеченного надлежащими процессуальными гарантиями, возможно, и надлежит определить те пределы, за которые не должны выходить участники делового оборота под угрозой применения уголовного наказания. В.В. Лунеев, например, настаивает на том, что «проблема противодействия бизнес-преступности состоит в серьезном и неотложном повышении эффективности уголовно-правового контроля над ней» [16, с. 9]. Данная функция уголовного права может быть реализована с учетом количества и значимости используемых в нем гражданско-правовых предписаний (составляющих). Нельзя не отметить также, что в правовой науке прослеживается тенденция к обоснованию в России уголовной ответственности юридических лиц. При определенном подходе и настрое это можно рассматривать как фактическое признание того, что частноправовое регулирование не способно в одиночку эффективно решить проблему избавления сферы экономических отношений от общественно

опасных посягательств «изнутри», т.е. со стороны самих ее участников.

Н.И. Пикуров полагает, что взаимосвязи уголовного права и иных отраслей могут существовать на уровне отрасли, правового института, но наиболее «разнообразные формы и виды» они приобретают на уровне правовой нормы. Исходя из того, что уголовный закон является фиксированной формой выражения уголовного права как самостоятельного структурного элемента системы российского права, он убежден и в том, что системные связи уголовного закона накладывают свой отпечаток на его применение и особенно на квалификацию преступлений [18]. Действительно, квалификация преступления как юридическая оценка содеянного с позиции уголовного закона есть одна из разновидностей правоприменения, которая имеет специфику в случае реализации бланкетных диспозиций.

Вместе с тем есть необходимость полизировать в этом случае о юридических основаниях квалификации преступления, в частности можно ли рассматривать соответствующие нормы других отраслей права в качестве самостоятельных источников для уголовно-правовой оценки? При этом нельзя исключить возникающую у квалификатора необходимость вникать в суть предписаний соответствующих отраслей права с тем, чтобы адекватно воспринимать содержание уголовно-правовых предписаний, правильно толковать уголовный закон.

Нередко уголовно-правовой квалификации требуют такие фактические обстоятельства, которые заключают в себе отражение взаимодействия сторон, укладываемое в юридические конструкции различных материальных отраслей права. Причем перед квалификатором зачастую возникает задача по выбору соответствующей юридической конструкции в рамках той или другой правовой отрасли, например гражданского или трудового права.

Так, общество с ограниченной ответственностью (далее – Общество) заключило с граж-

данином М. договор возмездного оказания услуг по реконструкции животноводческой фермы. К исполнению договора М. привлечен гражданин Р., Я. и К. При демонтаже крыши произошло обрушение балки перекрытия, в результате чего М. и К. был причинен соответствующий средней степени тяжести и тяжкий вред здоровью. По этому делу Центром экспертных юридических услуг и медиационной деятельности «Униюрсервис» (далее – Центр «Униюрсервис») Казанского федерального университета было проведено правовое исследование материалов доследственной проверки с целью определения существования между сторонами трудовых или гражданско-правовых отношений. При этом исследовались нормы трудового и гражданского права, посредством которых в законодательстве оформлены конструкции трудового договора и договора подряда, поскольку на основе сопоставления различных элементов указанных конструкций с фактическими признаками деяния устанавливалась возможность привлечения к уголовной ответственности должностных лиц Общества по признакам ст. 216 УК РФ. Данный пример подтверждает, что при квалификации содеянного может быть использована система юридических конструкций, включающая в себя как уголовно-правовые, так и иные отраслевые, а также межотраслевые конструкции.

Что же представляет собой юридическая конструкция? Унифицированного мнения по этому вопросу в правовой науке не существует. Несколько по-разному подходят к оценке юридических конструкций в отраслевых науках и в теории права. По мнению Л.Л. Кругликова, законодательная модель, представляющая собой описание преступления определенного вида, является уголовно-правовой конструкцией преступления, включающей в себя все четыре элемента состава преступления [13, с. 136]. Не случайно считается, что состав преступления представляет собой структурные элементы созданной законодателем модели преступления [19, с. 21].

Однако вопрос о юридической природе этих элементов, их содержании является дискуссионным. Существует мнение, что уголовно-правовые конструкции отдельных видов преступлений не заполняют собой действительное содержание тех или иных элементов состава преступления. Их содержание насыщается также отдельными фрагментами гражданско-пра-

вовых конструкций. В процессе квалификации они требуют самостоятельного исследования.

М.Ю. Челышев, в сфере научных интересов которого находится проблематика межотраслевых связей гражданского права, констатирует, что в науке гражданского права отсутствует комплексное прикладное исследование существа юридических конструкций, причем как в целом для всей отрасли, так и для отдельных ее подразделений. Он предлагает авторское определение гражданско-правовой юридической конструкции через призму инструментального подхода к праву как конкретного способа закрепления в гражданском законодательстве разного рода правовых инструментов [24, с. 80–81]. Гражданско-правовой конструкцией, по мнению ученого, может быть названо такое явление, в котором можно выделить присущие всем подобным конструкциям элементы, нормативно закрепляемые при помощи специального терминологического аппарата: определение, классификации, процедуры и др. [24, с. 86]. Многообразие гражданско-правовых конструкций подтверждается результатами научных исследований отдельных видов таких конструкций [4; 9; 10; 12].

С.С. Алексеев, исследуя юридическую конструкцию с позиции теории права, исходит из того, что она представляет собой «своеобразное модельное построение прав, обязанностей, ответственности, их типовые схемы, в которые облекается «юридический материал» [2, с. 117]. Также в теории права В.В. Чевычеловым заявлено, что юридическая конструкция в широком смысле определяется как любое правовое явление, имеющее определенную структуру, строение, характеризующееся признаком «конструкционности», а в узком смысле – как средство правотворческой техники, заключающееся в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала. Он же полагает, что осуществление квалификации деяния есть установление правоприменителем соответствия между признаками общественного отношения и признаками конструкции, т.е. им предлагается использование схемы «отношение – конструкция – норма» [23, с. 8, 19].

Проблематика квалификации преступлений достаточно подробно разработана в науке уголовного права. Согласно определению квалификации преступлений, ставшему традиционным, это «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками

состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [14, с. 5]. Отсюда в теории уголовного права сам термин «квалификация преступления» используется в двух значениях: 1) для характеристики определенного рода правоприменительной деятельности (логико-юридического процесса); 2) для определения результата такой деятельности, т.е. итоговой юридической оценки общественно опасного деяния в уголовно-процессуальном документе в виде ссылки на статью (часть, пункт) УК РФ. В первом ее значении квалификация преступления нередко рассматривается как уголовно-правовая оценка, которая может изменяться на различных стадиях уголовного процесса.

Не случайно Н.Ф. Кузнецова выделяет две разновидности квалификации преступлений – процессуальную и материальную. Квалификация преступлений как институт материального уголовного права включает, по ее мнению, три этапа: 1) установление события преступления с наиболее вероятной квалификацией такового; 2) уточненный поиск нормы, необходимой для квалификации деяния; 3) установление полного соответствия состава совершенного деяния составу, описанному в диспозиции выбранной уголовно-правовой нормы [15, с. 55–57].

И.А. Тарханов, рассматривая юридическую квалификацию в ее деятельном аспекте, полагает, что она включает в себя определенную совокупность последовательно осуществляемых правоприменительных операций: а) извлечение из ранее установленных фактических обстоятельств дела юридически значимых признаков; б) выстраивание на основе фабулы дела квалификационных версий (создание правовой базы); в) ее сопоставление с извлеченными юридически значимыми признаками содеянного; г) выбор соответствующих материалов дела уголовно-правовых предписаний (принятие решения по делу); д) фиксация этого решения (итоговой уголовно-правовой оценки) в определенном уголовно-процессуальном документе (например, в постановлении о возбуждении уголовного дела). При этом установление фактических обстоятельств дела выводится автором за рамки квалификации, поскольку этот вид правоприменительной деятельности относится к доказыванию и не включает в себе материально-правовую оценку [21, с. 130–138].

Нами предпринята попытка рассмотреть понятие квалификации преступлений с пози-

ции категории «механизм», которая употребляется в теории права. В этом случае следует признать, что разработанного общепринятого определения «механизма квалификации преступлений» в теории уголовного права нет. Одно из значений термина «механизм» – это последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление [17, с. 346]. В рамках правовой науки более широко известно определение механизма правового регулирования, которое было дано, в частности, С.С. Алексеевым. По его мнению, это взятая в единстве вся совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения, частями которой являются: 1) юридические нормы; 2) правоотношения; 3) акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей [1, с. 30].

Акты мыслительной деятельности, осуществляемые в процессе квалификации, строго говоря, не могут быть определены как юридические средства, а потому вряд ли могут рассматриваться в качестве взаимосвязанных элементов некоего механизма квалификации преступлений. Отсюда можно прийти к выводу, что механизм квалификации преступлений представляет собой некий комплекс действий, в ходе которых устанавливается точное соответствие (тождество) таких статических элементов как извлеченных из фактических обстоятельств дела юридически значимых признаков отдельным правовым предписаниям (например, о соучастии), признакам состава преступления. В таком случае эффективное функционирование механизма квалификации преступлений возможно только при условии надлежащего использования указанных статических элементов при совершении соответствующих мыслительных операций. Если надлежащим образом не будет использована гражданско-правовая конструкция, к которой отсылает бланкетная диспозиция в соответствующей уголовно-правовой норме, то механизм квалификации «застопорит» и необходимый результат его функционирования не будет достигнут.

Иными словами, механизм квалификации преступлений есть комплекс мыслительных действий, последовательно совершаемых в отношении статических элементов (юридически значимых фактических обстоятельств дела, конструкции состава преступления, иных отраслевых и межотраслевых конструкций, к ко-

торым отсылает уголовно-правовая норма) с целью объективной уголовно-правовой оценки совершенного деяния. Следует констатировать, что при достаточной степени разработанности теории квалификации преступлений в доктрине отсутствует четкое и единообразное представление как о самой правовой категории «механизм квалификации преступлений», так и о правилах использования в данном механизме отраслевых и межотраслевых конструкций, формально находящихся за пределами уголовного права.

Выявление значения гражданско-правовых конструкций в механизме квалификации преступления следует начать с указания на то, что использование гражданско-правовых конструкций происходит на этапах выдвижения квалификационных версий и установления тождества между элементами состава преступления и признаками деяния. Кроме того, для получения структурированной информации полезна дифференциация указанных конструкций на субъектные, объектные, сделочные и иные.

В первую очередь рассмотрим использование гражданско-правовых конструкций при квалификации преступления по объекту. Если объектом в составе преступления являются общественные отношения, которые подлежат уголовно-правовой охране, то правовая конструкция, например, отношений собственности, охраняемых, согласно названию, нормами гл. 21 УК РФ, формулируется гражданским законодательством. Следовательно, при завладении имуществом, являющимся, согласно ст. 225 ГК РФ, бесхозным, строго формально нет оснований для привлечения лица, совершившего данное деяние, к уголовной ответственности по нормам гл. 21 УК РФ.

Для установления объективной стороны состава преступления также могут использоваться гражданско-правовые конструкции. В составах преступлений, предусмотренных ст. 185.5, 195, 169 и 170.1 УК РФ, применяются термины, объективное значение которых не может быть установлено без использования соответствующих субъектных гражданско-правовых конструкций (наблюдательный совет, общее собрание акционеров, индивидуальный предприниматель, исполнительный орган юридического лица и др.).

В ст. 148 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций, опре-

деление которых установлено в ст. 8 Федерального закона № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». Центром «Уни-юрсервис» было проведено экспертное правовое исследование с целью ответа на вопрос о возможности отнесения религиозной группы к гражданско-правовой конструкции некоммерческой организации и, соответственно, привлечения к ответственности ее создателей и руководителей по ч. 2 ст. 239 УК РФ. Последовательный анализ норм ГК РФ, Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» позволил дать отрицательный ответ на поставленный вопрос и установить отсутствие объективной стороны данного состава преступления.

Следует признать, что использование субъектной гражданско-правовой конструкции важно также для понимания объективной стороны того или иного состава преступления с учетом взаимосвязи признаков субъекта и объективной стороны. Так, присвоение авторства (плагиат) карается уголовным законом (ч. 1 ст. 146 УК РФ), если данное деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, т.е. субъектная гражданско-правовая конструкция может включаться в такой элемент объективной стороны как последствие.

При исследовании особенностей использования объектных гражданско-правовых конструкций в процессе уголовно-правовой квалификации следует учитывать, что объекты гражданских прав представляют собой явления объективной реальности, свойства которых определяют правила их нахождения в гражданском обороте. Потому к гражданско-правовым конструкциям могут быть отнесены те из них, которые имеют сложную правовую природу, выраженную в различных классификациях, юридических процедурах (например, государственной регистрации), включении иных элементов, имеющих правовое значение. Таковыми среди упоминаемых в уголовном законе объектных гражданско-правовых конструкций являются контрафактные экземпляры произведений (ст. 146 УК РФ), коммерческая тайна (ст. 183 УК РФ), уставный капитал хозяйственного общества (ст. 185.5 УК РФ), самовольная застройка (ст. 255 УК РФ). Во всех случаях объектные гражданско-правовые конструкции в силу своей природы относятся к объективной стороне как признаку состава уголовно наказуемого деяния.

Гражданско-правовое понимание сделок как целенаправленных действий (ст. 153 ГК РФ) ведет к тому, что в составах преступлений сделочные гражданско-правовые конструкции также во всех без исключения случаях определяют деяние, т.е. объективную сторону состава преступления. В одних случаях само деяние является гражданско-правовой конструкцией (ст. 127.1, 151.1 УК РФ), в других случаях сделочные гражданско-правовые конструкции конкретизируют деяние (ст. 178 УК РФ). В уголовно-правовой норме может содержаться указание на родовую сделочную гражданско-правовую конструкцию (сделка, купля-продажа) либо на видовую (кредитный договор, розничная продажа).

Субъект преступления прежде всего может быть прямо определен субъектной гражданско-правовой конструкцией, как это происходит в случае со специальным субъектом. Так, субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, могут быть только физические, достигшие возраста уголовной ответственности и вменяемые лица, обладающие статусом руководителя организации, филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации. Аналогична роль гражданско-правовых конструкций в составах преступлений, предусмотренных ст. 156, 159.1, 201 УК РФ.

Квалификация деяния по субъективной стороне также может испытывать влияние используемых при этом гражданско-правовых конструкций. Например, характер действий по созданию некоммерческой организации (ч. 2 ст. 239 УК РФ) позволяет утверждать, что субъективная сторона данного состава может характеризоваться как совершенная только с прямым умыслом. В ст. 183 УК РФ характер коммерческой тайны как объектной гражданско-правовой конструкции указывает на то, что субъективная сторона состава может быть охарактеризована только прямым умыслом. Как верно отмечено в литературе по уголовному праву, «осознанию общественно опасного характера совершаемого деяния помогает не только отражение... объекта преступления, но и понимание социального значения всех фактических свойств совершаемого деяния» [20, с. 28].

Сделки, совершаемые в отношении людей, розничная продажа алкоголя несовершеннолетним, создание или реорганизация юридического лица, выдача доверенности, незаконное получение кредита совершаются лицом с пря-

мым или косвенным умыслом. Следовательно, наличие сделочной гражданско-правовой конструкции в любом случае делает состав преступления умышленным с субъективной стороны.

Вместе с прямо упоминаемыми гражданско-правовыми конструкциями в УК РФ содержится и определенное количество гражданско-правовых терминов, которые являются элементами не поименованных в УК РФ гражданско-правовых конструкций. В таком случае представляется возможным говорить о явно выраженной воле законодателя на опосредованное использование гражданско-правовой конструкции в механизме квалификации общественно опасных деяний, например, с целью уяснения истинного смысла того или иного термина. Так, в ст. 159.1 УК РФ состав мошенничества в сфере кредитования определяется как хищение денежных средств заемщиком путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Уяснение статуса кредитора и заемщика в данном случае требует обращения к гражданско-правовой конструкции кредитного договора.

Не в каждом случае использование в уголовном законодательстве гражданско-правового термина позволяет применить к соответствующему составу преступления гражданско-правовую конструкцию, на которую данный термин указывает. Так, в п. 2 ст. 146 УК РФ способом совершения деяния может быть хранение или перевозка контрафактных экземпляров произведений. Отрицательный ответ на вопрос о применимости договорных гражданско-правовых конструкций (гл. 40 и 47 ГК РФ) при квалификации деяния по данному составу преступления дан в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [8].

В некоторых случаях гражданско-правовая конструкция вообще не упоминается в уголовном законе. Однако она применяется для квалификации деяний по определенным составам преступлений правоприменителем в силу разъяснений, содержащихся в актах обобщений судебной практики. Например, конструкция юридического лица с ограниченной правоспособностью используется для квалификации деяний по ст. 171 УК РФ (п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 18 ноября 2004 г. № 23

«О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» [7].

Правоприменительная практика может детализировать, уточнять способ совершения деяния путем перечисления используемых гражданско-правовых конструкций, как это, например, сделано в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 6 от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», где возможным предметом взятки или коммерческого подкупа наряду с деньгами, ценными бумагами и иным имуществом названы выгоды или услуги имущественного характера, оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате (предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи и т.п.) [5].

В механизме квалификации преступлений взаимосвязь уголовно-правовых и гражданско-правовых конструкций, к сожалению, может выражаться и в форме некорректного использования последних (негативное проявление взаимосвязи). В качестве примера следует привести п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» [6], где указание гражданско-правовой конструкции совместной собственности вместо более подходящей по смыслу конструкции общей собственности ограничивает круг субъектов преступлений, предусмотренных ст. 168 УК РФ и ч. 2 ст. 167 УК РФ, только супругами (ст. 256 ГК РФ) или членами крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. 257 ГК РФ).

На подобное негативное проявление взаимосвязи также обращено внимание в юридической литературе. Так, указывается, что проблемные вопросы определенных гражданско-правовых конструкций могут приводить к неверной уголовно-правовой квалификации [3, с. 150–159]. Получается, что в этих ситуациях рассматриваемый механизм квалифика-

ции преступлений не срабатывает должным образом.

Таким образом, можно сделать вывод, что при квалификации преступлений в сфере экономики необходимо воспользоваться системой соответствующих гражданско-правовых, а в ряде случаев и иных отраслевых конструкций. Подобное использование осуществляется в рамках общего механизма квалификации преступлений и подчиняется следующим правилам:

1. Необходимо наличие в уголовно-правовом законе бланкетной диспозиции (а) в форме прямой отсылки к соответствующей гражданско-правовой конструкции; (б) в форме прямой отсылки к ее отдельным элементам; (в) детализированной с использованием какой-либо гражданско-правовой конструкции в акте обобщения судебной практики.

2. Если иное не установлено уголовно-правовым законом, то конструкция применяется в ее гражданско-правовом значении.

3. Гражданско-правовые конструкции, как и иные отраслевые и межотраслевые, используются на этапах подбора правовой основы для квалификации деяния и установления тождества между фактическими данными, имеющими юридическое значение, и признаками состава преступления.

Вместе с тем означает ли это, что сами гражданско-правовые конструкции «встраиваются» законодателем в качестве обособленных признаков соответствующего состава преступления, т.е. наряду с собственно уголовно-правовой его «конструкцией»? Эта проблема продолжает оставаться дискуссионной и заслуживает отдельного анализа, тем более что квалификация преступления в ее «статическом» аспекте обычно определяется как указание (ссылка) на конкретную статью Особенной (а иногда и Общей) части УК РФ. Отсюда нередко делается вывод, что единственным источником, правовой основой квалификации преступления является его состав, т.е. система установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих определенный вид преступления.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 187 с.
2. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М. : Изд. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – 712 с.
3. Башков А.В. Сложные вопросы квалификации преступлений против собственности с учетом особенностей предмета / А.В. Башков // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2. – С. 150–161.

4. Болдырев В.А. Гражданско-правовая конструкция юридического лица несобственника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Болдырев. – Екатеринбург, 2013. – 43 с.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 8.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 1.
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.
9. Викторова Р.Н. Правовая конструкция договора ипотеки в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Н. Викторова. – Владикавказ, 2011. – 33 с.
10. Волочай Ю.А. Гражданско-правовая конструкция приобретения права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Германии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.А. Волочай. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.
11. Головкин Л.В. Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики / Л.В. Головкин // Закон. – 2011. – № 9. – С. 43–56.
12. Калабеков Ш.В. Договор как универсальная правовая конструкция : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ш.В. Калабеков. – М., 2004. – 32 с.
13. Кругликов Л.Л. Техника конструирования состава преступления (методологические вопросы) / Л.Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избр. ст., 2002–2009 гг. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 591 с.
14. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2004. – 304 с.
15. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – М. : Городец, 2007. – 336 с.
16. Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей / В.В. Лунеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 4 (18). – С. 5–15.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН ; Рос. фонд культуры. – 3-е изд., стер. – М. : Азъ, 1996. – 234 с.
18. Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.И. Пикуров. – Волгоград, 1998. – 410 с.
19. Плотников А.И. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / А.И. Плотников. – Оренбург : Изд-во ОИ МГЮА, 2001. – 103 с.
20. Парог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А.И. Парог. – М. : Профобразование, 2001. – 134 с.
21. Тарханов И.А. Юридическая квалификация: понятие и место в правоприменительном процессе / И.А. Тарханов // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 130–140.
22. Федотов А.Г. Применение институтов гражданского права в иных отраслях права / А.Г. Федотов // Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. – М. : Статут, 2009. – 608 с.
23. Чевычелов В.В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Чевычелов. – Н. Новгород, 2005. – 24 с.
24. Челышев М.Ю. О юридических конструкциях в Проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации / М.Ю. Челышев // Изменения в Гражданском кодексе Российской Федерации: новеллы гражданского законодательства, 2012 : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Казань, 15 июня 2012 г.). – М. : Юрист, 2012. – 484 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Legal regulation mechanism in a socialistic country. [Alekseev S.S. *Mehanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve*]. Moscow, Jurid. lit., 1966, 187 p.
 2. Alekseev S.S. Law: elements, theory, philosophy: complex research experience. [Alekseev S.S. *Pravo: Azbuka. Teorija. Filosofija: Opyt kompleksnogo issledovaniya*]. Moscow, NORMA – INFRA-M, 1998, 712 p.
 3. Bashkov A.V. Issues of classification of crimes against property object specific. [Bashkov A.V. *Slozhnye voprosy kvalifikacii prestuplenij protiv sobstvennosti s uchetom osobennostej predmeta*]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal*, 2011, no. 2, pp. 150–161.
 4. Boldyrev V.A. Civil construction of a nonproprietor juridical person. Dissertation. [Boldyrev V.A. *Grazhdansko-pravovaja konstrukcija juridicheskogo lica nesobstvennika : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk*]. Ekaterinburg, 2013, 43 p.
 5. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF – Supremee court of Russia Bulletin, 2000, no. 4.
 6. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF – Supremee court of Russia Bulletin, 2002, no. 8.
 7. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF – Supremee court of Russia Bulletin, 2005, no. 1.
 8. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF – Supremee court of Russia Bulletin, 2007, no. 7.
 9. Viktorova R.N. Mortgage contract's legal construction in Russian legislation. Author's abstract. [Viktorova R.N. *Pravovaja konstrukcija dogovora ipoteki v rossijskom zakonodatel'stve : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk*]. Vladikavkaz, 2011, 33 p.
 10. Volochaj Ju.A. Civil construction of The Acquisition of property rights under contract: comparative legal analysis of Russian and German legislation. Author's abstract. [Volochaj Ju.A. *Grazhdansko-pravovaja konstrukcija priobre-*
- Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2013. № 4

tenija prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo po dogovoru: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i Germanii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Ekaterinburg, 2010, 26 p.

11. Golovko L.V. Conceptual foundation of criminal policy in economy. [Golovko L.V. Konceptual'nye osnovy ugovolnoj politiki v sfere jekonomiki]. *Zakon – Law*, 2011, no. 9, pp. 43–56.

12. Kalabekov Sh.V. Contract as a universal legal construction. Author's abstract. [Kalabekov Sh.V. Dogovor kak universal'naja pravovaja konstrukcija : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2004, 32 p.

13. Kruglikov L.L. Crime components' construction mechanism. Issues of criminal law theory: selected papers. 2002–2009. [Kruglikov L.L. Tehnika konstruirovaniya sostava prestupleniya (metodologicheskie voprosy). Problemy teorii ugovolnogo prava: izbr. st., 2002–2009 gg]. Yaroslavl, JarGU, 2010, 591 p.

14. Kudrjavcev V.N. General theory of criminal activities classification [Kudrjavcev V.N. Obshhaja teoriya kvalifikatsii prestuplenij]. Moscow, Jurist, 2004, 304 p.

15. Kuznecova N.F. Issues of criminal activities classification: «Fundamentals of crimes' classification» special course lectures. [Kuznecova N.F. Problemy kvalifikatsii prestuplenij: lektsii po spekursu «Osnovy kvalifikatsii prestuplenij»]. Moscow, Gorodec, 2007, 336 p.

16. Lunev V.V. On the criminalization of economic crimes committed by entrepreneurs. [Lunev V.V. O kriminalizatsii jekonomicheskikh prestuplenij predprinimatelej]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2011, no. 4 (18), pp. 5–15.

17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Dictionary of the Russian Language. [Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka]. Moscow, Az, 1996, 234 p.

18. Pikurov N.I. Theoretical issues of criminal law interindustry relations. Dissertation. [Pikurov N.I. Teoreticheskie problemy mezhotraslevykh svyazey ugovolnogo prava : dis. ... d-ra jurid. nauk]. Volgograd, 1998, 410 p.

19. Plotnikov A.I. Theoretical basis of crime classification: educational book. [Plotnikov A.I. Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestuplenij : ucheb. posobie]. Orenburg, OI MGJuA, 2001, 103 p.

20. Rarog A.I. Subjective aspect and classification of crime. [Rarog A.I. Subjektivnaja storona i kvalifikatsiya prestuplenij]. Moscow, Profobrazovanie, 2001, 134 p.

21. Tarhanov I.A. Legal qualification: Definition and place in law-enforcement activity. [Tarhanov I.A. Juridicheskaja kvalifikatsiya: ponjatie i mesto v pravoprimeritel'nom processe]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal*, 2012, no. 3, pp. 130–140.

22. Fedotov A.G. Civil law institutions application in other branches of law. Supremacy of law and its ensurance issues in law-enforcement practice. [Fedotov A.G. Primenenie institutov grazhdanskogo prava v inyh otrasljah prava. Verhovenstvo prava i problemy ego obespecheniya v pravoprimeritel'noj praktike]. Moscow, Statut, 2009, 608 p.

23. Chevychelov V.V. Legal construction: theory and practice issues. Author's abstract. [Chevychelov V.V. Juridicheskaja konstrukcija: problemy teorii i praktiki : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. N. Novgorod, 2005, 24 p.

24. Chelyshev M.Ju. On legal constructions in Project on amending the Civil Code of the Russian Federation. The Civil Code of the Russian Federation amendments: civil legislation novels, 2012: Russian academic and research conference proceedings (Kazan, 15 June 2012). [Chelyshev M.Ju. O juridicheskikh konstrukcijah v Proekte izmenenij i dopolnenij v Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Izmenenija v Grazhdanskom kodekse Rossijskoj Federacii: novelly grazhdanskogo zakonodatel'stva, 2012 : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Kazan', 15 ijunja 2012 g.)]. Moscow, Jurist, 2012, 484 p.

Сведения об авторах

Тарханов Ильдар Абдулхакович – декан юридического факультета ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор юридических наук, профессор, Казань; e-mail: itarhanov@mail.ru.

Чельшев Михаил Юрьевич – заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права юридического факультета ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор юридических наук, профессор, Казань; e-mail: civilkaf_kfu@mail.ru.

Хасанов Ришат Аухатович – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат юридических наук, Казань; e-mail: rhasanov@kpfu.ru.

About the authors

Tarhanov Il'dar Abdulhakovich – Dean of Legal Faculty, Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Kazan; e-mail: itarhanov@mail.ru.

Chelyshev Mihail Jur'evich – Head of Chair of civil and business law, Legal Faculty, Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Law, Professor, Kazan; e-mail: civilkaf_kfu@mail.ru.

Hasanov Rishat Auhatovich – senior professor of Chair of civil and business law, Legal Faculty, Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Kazan; e-mail: rhasanov@kpfu.ru.